

МИСТИЧЕСКИЕ КУЛЬТЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РЕНЕССАНСА

Владимир Ткаченко-Гильдебрандт

КНИГА ВЕЛИЧИНОЙ В ЖИЗНЬ

СВЯЗКА
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФИЧЕСКИХ
ОЧЕРКОВ

**Владимир Анатольевич Ткаченко-
Гильдебрандт**
**Книга величиной в
жизнь. Связка историко-
философических очерков**
Серия «Мистические культы
Средневековья и Ренессанса»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68606045

Книга величиной в жизнь. Связка историко-философических очерков /

В. А. Ткаченко-Гильдебрандт: Алетейя; Санкт-Петербург; 2022

ISBN 978-5-00165-528-2

Аннотация

Насколько философское, литературное и художественное творчество соотносится с Царственным Искусством (Иерофанией Древних), процессом духовной трансмутации герметических философов, и как это связано с сознанием и подсознанием в восприятии литературных и мистических, музыкальных и изобразительных произведений, – обо всем этом пойдет речь в сборнике эссе Владимира Ткаченко-Гильдебрандта «Книга величиной в жизнь», выходящем в серии под его редакцией

«Мистические культы Средневековья и Ренессанса». Внутренняя логика книги подчинена вопросу о посвящении и посвятителем действе, способствуя рассмотрению личностей государственных сановников, философов, служителей литературы и искусства в новом ракурсе, что порой приводит к весьма парадоксальным выводам об их интеллектуальной и творческой деятельности.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Связуя творчество и время, и пространство	6
Поэтов век	8
Срок или возраст поэтического становления	8
Данте Алигьери и Орден тамплиеров	12
Под сенью Шартрского собора. Обретение замысла	21
Иоахим Флорский и иоахимиты. Данте и прерафаэлиты	26
Превратности останков Данте Алигьери.	35
Встреча через века: Данте – Гумилев	43
Прощание с родиной Петра Скарги	49
От униатской протогосударственности к польскому «отчиму» украинской нации	55
«А что, если бы...», или прогулка по Измайловскому парку после обильной дегустации накануне	61
Выдающийся, но замалчиваемый польский гений	69
Конец ознакомительного фрагмента.	86

**Владимир Ткаченко-
Гильдебрандт
Книга величиной в жизнь
Связка историко-
философических очерков**

© В. А. Ткаченко-Гильдебрандт, 2022

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2022

Дизайн обложки И. Н. Граве

Текст печатается в авторской редакции

* * *

Связуя творчество и время, и пространство

Вступительное слово автора

«Спутники Иерофании» (иерофания = священнодействие) – это собрание эссе, написанных в последние годы, работа над которыми, не раз приводила самого автора к парадоксальным выводам, что в чем и состоит смысл подобного литературного жанра, одобряющего вольный экспериментальный взгляд испытующего тексты и оставляющего в качестве главного контрапункта свободу восприятия и выражения. Жанровый характер «связки» очерков наиболее приемлем в этом отношении: он как бы скрепляет поперечным жгутом, казалось бы, разнородные статьи, намеренно выстроенные в несколько хаотизированном по хронологии порядке.

Герои этой «связки» – родоначальник христианской теологии Филон Александрийский, теург и последний классический эллинский философ Прокл Диадох, великий итальянский поэт Данте Алигьери, крымский темник Мамай, открывший Новый Свет адмирал Христофор Колумб, лауреат Нобелевской премии по литературе Томас Манн и выдающийся австрийский композитор Арнольд Шёнберг, император Петр Великий и его всемогущий фаворит Александр

Меньшиков, христианский символист Луи Шарбонно-Ласэ, гениальный Николай Гумилев, неподражаемый Макс Волошин и замечательный хранитель его наследия Владимир Купченко... Это далеко не все имена корифеев истории, литературы и культуры, с которыми встретится взыскательный читатель, перебирая ветви нашей «связки».

Но что же соединяет друг с другом все вышеназванные личности. Несомненно, связь с посвящением, а зачастую даже посвятителные организации, присущие временам, странам и народам: эссеи, члены Афинской Академии, бедные рыцари Христа и Храма Соломона, мистические францисканцы, катары и богомилы, компаньонаж, вольные каменщики Средневековья, герметические философы и франкмасоны наших дней, римско-католические посвятителные сообщества и пр. Собственно, посвящение в историческом контексте, способствующее раскрытию тайн и загадок литературных, художественных и музыкальных произведений, является магнитом, если угодно, центростремительным средоточием, вокруг которого выстраиваются звенья «связки», придавая всем очеркам внутреннюю логику. Впрочем, отметив в общем своеобразие книги и уходя от риторического многословия, предоставим читателю составлять суждение о ее достоинствах.

*Владимир Ткаченко-Гильдебрандт (прандау), КСТЛ,
военный историк, переводчик*

Поэтов век

Личность великого флорентинца на перекрестках эзотерики

*Посвящается 700-летию со дня смерти Данте
Алигьери в контексте 100-летия со дня смерти
Николая Гумилева*

Срок или возраст поэтического становления

В ночь с 13 на 14 сентября 1321 года от лихорадки, полученной во время посольской поездки в Венецию, умирает в Равенне в своей постели один из величайших поэтов всех времен и народов Данте Алигьери, три года назад завершивший свою «Божественную комедию». Спустя шесть столетий 26 августа 1921 года чекистская пуля обрывает жизнь выдающегося русского поэта Николая Гумилева, который мог бы стать русским Данте, проживи он, как и великий флорентинец хотя бы на 21 год больше. Данте умер в возрасте 56 лет, тогда как Гумилев расстрелян в 35 лет. Не правда ли, парадоксально: неужели 21 год – это временной отрезок, пройдя который, выдающийся поэт может стать величайшим. Гуми-

леву не представилась такая возможность, Данте реализовал себя как раз в это время, начиная со своей деятельности приором во Флоренции в 1300–1301 гг., а затем в долгий период изгнания, завершившийся смертью поэта (1302–1321), когда Данте Алигьери и написал свои главные произведения, в том числе «Пир», «О народном красноречии», «Божественную комедию» и др. Не будь этого тяжелого жизненного цикла у флорентинца, отмеченного жесткой политической борьбой, годами лишений и изгнания, а сложись у него все благоприятно в родном городе, то, вероятно, мы бы никогда не узнали о «Божественной комедии», и Данте остался бы для нас просто даровитым и подававшим большие надежды поэтом того времени и автором «Новой жизни», написанной им в 1292 году.

В этой связи число 21 приобретает в нашем восприятии мистические очертания, тем паче что на дворе, если следовать Борису Пастернаку, переводя тысячелетие в столетия, 21 год 21-го века. Некоторые исследователи вполне объективно считают, что Данте Алигьери кто-то посодействовал убраться из брэнного мира, так что на второй поэтический век, который продлился бы до 77-летия автора «Божественной комедии», он мог не рассчитывать: слишком многое он сделал уже в первом! А ведь у Гумилева не было и одного 21-летнего поэтического срока, учитывая, что к 35 годам он только «выписался» как серьезный и во многом непревзойденный русский поэт. Впрочем, и современная компьютер-

ная игра «Кредо ассасина» (на основе одноименного фильма) указывает на насильственное устранение якобы ассасина и, следовательно, тайного исмаилита Данте Алигьери пережившими разгром рыцарями-тамплиерами в 1321 году. Безусловно, что во всяком подобном абсурдном повествовании есть только доля абсурда, а определенные события могут передаваться завуалированными, но отражающими объективную реальность. Так и в отношении будто бы непримиримой вражды между собой Ордена тамплиеров и ассасинов-исмаилитов: обе организации на Ближнем Востоке были побратимскими в отношении друг друга, на что неоднократно указывают западные и восточные хронисты того времени. Однако эта (заметим, вполне концептуальная) игра, тем не менее, делает определенные аллюзии в свойственной для себя манере на три важных составляющих сокровенной истории и возможной биографии поэта: насильственную смерть великого флорентинца, связь тамплиеров и ассасинов, а также отношение к обоим орденам Данте Алигьери. Рассуждая об этом, мы уже явно выходим за пределы классического дантоведения, до сих пор считающего величайшего поэта только гениальным словесным иллюстратором римско-католической схоластики, тогда как на самом деле все обстоит гораздо сложнее. Парадокс, но творчество Данте намного глубже своего религиозно-дидактического содержания, остающегося на поверхности, а академическое сообщество уже семь столетий «препарирует» именно его, не в силах обратить

внимание на куда более существенные вещи.

Данте Алигьери и Орден тамплиеров

Здесь стоит привести несколько примеров из «Божественной комедии», которые могут указывать на связь великого флорентинца с Орденом бедных рыцарей Христа и Храма Соломона. К примеру, в «Рае» (песнь XXX) Беатриче на небесах окружает и защищает «сонм, в белые одежды облеченный»; и некоторые исследователи считают, что это и есть рыцари Храма, знаменитые своими белыми плащами с красным крестом. И в последних кругах «Рая» в качестве проводника Данте выступает Святой Бернард Клервоский (песнь XXXII), как известно, тесно связанный с первыми девятью храмовниками и составлявший устав ордена, принятый на Соборе Западной церкви в Труа в 1128 году. До сих пор проводником ему служил Вергилий, но он не может идти дальше врат рая, поскольку, родившись до пришествия Христа, не может воспользоваться жертвоприношением Мессии за род человеческий. Дальше Данте сопровождает детская любовь Беатриче Портинари, направляя поэта в Эмпирей. Она открывает ему дверь спасения, передавая затем Святому Бернарду Клервоскому, который ведет Данте к небесной Розе. Последний в своем трактате «Похвала новому рыцарству», повествуя о целях Ордена Храма, называет его «воинством Божиим»: это определение, которое затем часто встречается в произведениях членов тайного общества писателей

«Верных любви», куда входил и Данте Алигьери. Далее: в «Чистилище» (песнь XXVII) Данте вспоминает о своем присутствии на казни великого магистра Ордена Храма Якова де Моле и великого офицера Готфрида де Шарне в Париже 18 (или 11) марта 1314 года: «Я, руки сжав и наклонясь вперед, | Смотрел в огонь, и в памяти ожили | Тела людей, которых пламя жжет» (поэт действительно пребывал в Париже с 1310 по 1314 гг. и, как считается, даже лично общался с находившимся после 1307 года под домашним арестом Яковом де Моле). По другой версии, кстати, поддерживаемой отдельными европейскими учеными, Данте Алигьери неоднократно встречался с Яковом де Моле в период с 1304 по 1307 гг., то есть еще до злополучного ареста орденских сановников 13 октября 1307 года. Как и тамплиеры, Данте видел в Папе Клименте V прообраз Антихриста, предвещая ему место в Аду: «Придет с заката пастырь без закона, [...] Как, в Маккавейских книгах, Иасона | Лелеял царь, так и к нему щедр | Французская окажется корона». Вспоминая этот отрывок из Библии из Второй книги Маккавеев (4:7–9), повествующий о том, как Иасон захватил первосвященническую власть, заплатив большую сумму языческому царю Антиоху, Данте откровенно намекает на понтификат папы Климента V, распространявшего симонию и подчинившегося нечестивому королю Франции Филиппу Красивому, кого великий флорентинец в «Чистилище» (песнь XX) уподобил Пилату: «Я вижу – это все не утолило | Новейшего Пилата; осмелел |

Он в храм вторгает хищные ветрила». Но следующая строфа, как справедливо отмечает Рене Генон в своей работе «Эзотеризм Данте», откровенно содержит девиз посвятительной степени тамплиера-кадоша – “Nekam Adonai” (по-древнееврейски: «К отмщению, Господь!»): «Когда ж, господь, возвеселюсь, узрев | Твой суд, которым, в глубине безвестной, | Ты умягчаешь твой сокрытый гнев?»

ма, судя по всему, возникнув после посещения Данте Алигьери опального великого магистра Якова де Моле. На что указывает как герб с официальным девизом храмовников: «V. D. S. A.» – «Да здравствует Бог – Святая Любовь»; так и название дантовской организации «Fedeli d'Amore» – «Верные Любви»; но не в обыденном, как это обычно представляют, а в тамплиерском значении слова, где Любовь есть Бог или Бог есть Любовь. Тогда все становится на свои места, а деятельность «Верных Любви» представляется продолжением традиции уничтоженного на видимом плане папской и королевской тиранией ордена.

Памятная медаль с изображением Данте, приуроченная к 600-летию со дня его смерти (1921 год)

В этом отношении интересна и эзотерическая трактовка у Данте числа 9, символизирующего тройственный аспект каждого элемента человеческой трихотомии – тела, души и духа (тут же отметим, что нумерологическое значение рас-

смаатриваемого нами числа 21, как поэтического возраста или срока, не только 7×3 ($7+7+7$), но и обычная триада, поскольку $2+1=3$). Композиция «Божественной комедии» равным образом держится на числах 3 и 9: произведение разбито на три части, состоящие из 33 канцон (песен), написанных триодем ($2+1$; размер, применявшийся и Гумилевым в подражании средневековым классикам), что дает в сумме 99. Кроме того, девятка у Данте ассоциируется как с 9 основателями Ордена Храма и 9 лангами или провинциями исторического ордена, так с 9 степенями посвящения низаритского исмаилитского сообщества и властью рыцарства, которая, по его мнению, должна была заменить собой королевскую и папскую власть, что выражается в степени кадоша-тамплиера (ха-кадош – святой или посвященный на иврите), практиковавшейся, по предположениям некоторых исследователей, в тайном сообществе «Верные Любви». Девяти кругам дантовского «Ада», которые якобы связаны с пресловутым ритуалом жертвы Девятого круга, будто бы проводившимся иезуитами в Ватикане, противостоят девять небес «Рая», куда и ведут нас «кадоши»: христиане-иоанниты или поборники изначальной христианской тринитарной традиции; исмаилитские «Чистые братья» или «Ихван-ас-Сафа»; 9 первых основателей Ордена Храма; а также видимые и невидимые стражи, охраняющие духовных наследников тамплиеров на земном и тонких планах. Грандиозную дантовскую картину девяти небес «Рая» венчает прекрасная мистическая Роза,

являя собой образ Пресвятой Богородицы и Пречистой Девы Марии, Которой предано все в нашем мире, и по молитвам Которой до сих пор жив подлунный мир.

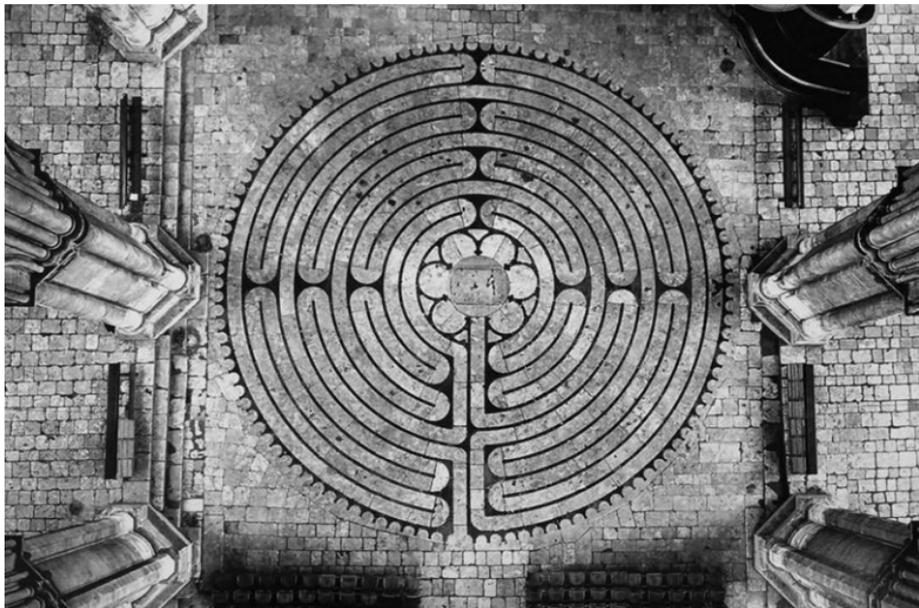
Выдающийся французский философ и эзотерик Рене Генон, изучал хранящийся в Венском музее медальон с изображением Данте Алигьери работы великого художника ранней Эпохи Возрождения Антонио Пизанелло (1392/1395–1455), на оборотной стороне которого находится загадочная надпись, состоящая из следующих заглавных букв, обозначающих, безусловно, аббревиатуры: **F.S.K.I.P.F.T.** (кстати, есть и второй подобный артефакт, но с портретом самого Пизанелло на аверсе). Обыкновенно считается, что это семь добродетелей, коим служил в своих произведениях Данте Алигьери, а именно: Fides (Вера), Spes (Надежда), Caritas (Любовь), Justitia (Правосудие), Prudentio (Благоразумие), Fortitudo (Доблесть), Temperantia (Умеренность). Однако подобное толкование не вполне адекватно, поскольку Caritas никогда не может передаваться через латинскую букву «К». Французский философ предложил расшифровку аббревиатур ренессансного медальона с портретом Данте следующего характера: **“Fidei Sanctæ Kadosh Imperialis Principatus Frater Templarius”**. Что в переводе на русский язык означает: «Священной Веры Кадош Имперский Первенствующий Брат Тамплиер». И это логично, поскольку не просто указывает на очевидную связь Данте Алигьери с Орденом Храма, но и делает великого флорентинца преемником велико-

го магистра Якова де Моле в статусе Первенствующего Кадоша Империи после окончательного упразднения ордена в 1312 году. Не исключено, что именно Данте, возглавляя квази-тамплиерское сообщество «Верных Любви», получил право представлять ушедший в подполье орден в Священной Римской Империи Германской Нации, тогда как великий магистерий перешел от Якова де Моле к Якову-Марку Лармениусу Александрийскому, о чем нам сообщает тамплиерская Хартия передачи, опубликованная в начале XIX-го столетия Бернаром-Раймоном Фабре-Палапра, а ныне хранящаяся в музее франкмасонского послушания «Йорк» в Лондоне. Однако наличие второго медальона с такой же аббревиатурой и изображением Пизанелло наводит на мысль о существовании Ордена Храма более чем столетие спустя после смерти Данте Алигьери.

Под сенью Шартрского собора. Обретение замысла

Шартрский собор. Возникает впечатление, что над мистической Розой возвышаются две колонны Соломонова храма, между которыми пирамида

Лабиринт Шартрского собора Божией Матери

Вообще архитектура «Божественной комедии» напоминает нам строение готического собора, где присутствуют: внешняя сторона с чудовищами, гаргулиями, химерами, аллегорическими изображениями людей, проявляющими муки и страдания грешников, и отображающая у Данте «Ад», а соответственно язычество; притвор, символизирующий «Чистилище», римско-католический лимб вместе с ветхозаветным человечеством; и, наконец, центральная, в том числе алтарная часть собора, знаменующая собой «Рай» со своими уровнями или кругами. Пожалуй, начиная уже с конца XVIII-го столетия, многие историки архитектуры напря-

мую связывают распространение готического стиля в XIII столетии со строительной деятельностью Ордена бедных рыцарей Христа и Храма Соломона и уже существовавшими в период высокого Средневековья их братствами подмастерьев и каменщиков – Компаньонажа и Массени, знаки которых (циркуль с наугольником) обнаруживаются в местах командорств и прецепторий Ордена Храма, в том числе и на Святой Земле (эти братства строительных мастеровых при Ордене тамплиеров столетия спустя трансформируются в знаменитый франкмасонский орден, ныне действующий на всех континентах). Французская народная память устами своих преданий напрямую связывает сооружение «каменного цветка» Франции или Шартрского собора с Орденом Храма и с одним из тамплиерских сообществ каменщиков. Освящение кафедрального собора Божией Матери Шартрской состоялось 24 октября 1260 года в присутствии короля Людовика IX Святого, руководителя 7-го и 8-го Крестовых походов, то есть в период расцвета Ордена тамплиеров (собор строился 66 лет, начиная с 1194 года). Инквизиция попыталась вымарать в народной памяти имя тамплиеров и их каменщиков, возводивших собор, но окончательно это сделать не удалось. Кроме того, есть предположение, что во время своего посещения Франции еще до рокового октября 1307 года, именно в Шартрском соборе, когда он стоял в центре розы с шестью лепестками напольного лабиринта, глядя на резную розетку северного трансепта, к нему окон-

чательно и пришла идея создания эпической поэмы «Божественная комедия», где лабиринт символизировал скитание лирического героя через пространства духовного мира – Ад, Чистилище и Рай – и его восхождение к Богу, Абсолюту от мистической Розы. В данном случае поэт, воплощенный в лирическом герое поэмы, предстает микрокосмом, а объемлющее его многоуровневое пространство Шартрского собора – макрокосмом, внутри которого и совершаются символические странствия первого, силой слова обращаясь на злободневную реальность и по-особому высвечивая события века сего. Безусловно, Данте был знаком с мистериями средневековых Компаньонажа и Массении, а потому своей поэмой он сооружает нерукотворный храм макрокосма, на высших своих уровнях раскрывающийся божественному миру, в котором пребывает Великий Архитектор Вселенной, космический Логос – Иисус Христос. Так постепенно и с годами, в самозабвенные и вдохновенные часы написания поэмы, великолепная архитектура Шартрского собора преобразуется в словесно-духовную архитектонику «Божественной комедии». И в этой алхимии творчества или, если угодно, сотворчества Данте Алигьери уже выступает как посвященный – кадош. Если пофантазировать, то можно даже представить, что с Шартрским собором Данте познакомил сам великий магистр Ордена Храма Яков де Моле или одни из его доверенных великих офицеров, проведя экскурсию и раскрыв аллегорические значения его внутреннего и внешне-

го убранства. К слову, академическая медиевистика представляет Средневековье как некую детерминированную статическую эпоху, хотя в ту пору люди общались между собой не меньше, чем мы, созидавая шедевры религиозной и духовно-нравственной культуры, подобные Шартрскому собору и «Божественной комедии». Да и символическое искусство было тогда на высоте: оно сильно профанировало позднее – в Эпоху Возрождения.

В этой связи стоит отметить, что вековая загадочность и мистика Шартрского собора вдохновляла классиков мировой и французской литературы уже в новое время, в том числе Эрнеста Хэмингуэя (1899–1961), Ричарда Олдингтона (1892–1962) и Андре Моруа (1885–1967). Ну а знакомство с собором первого президента Гонкуровской премии Жориса-Карла Гюисманса (1848–1907) обратило последнего, бывшего до того времени убежденным декадентом и автором романов «Наоборот», манифеста европейского декаданса, и «Бездна», где описывается черная месса, в римско-католическое христианство, результатом чего стал его непревзойденный роман «Собор», посвященный символизму средневековой архитектуры.

Иоахим Флорский и иоахимиты. Данте и прерафаэлиты

С разной долей проникновенности описывали эзотерические аспекты творчества Данте Алигьери итальянский поэт Габриэль Россети (1783–1854), составивший двухтомный комментарий к «Божественной комедии» (издан в 1826–1827 гг.), отец знаменитого английского художника и поэта прерафаэлита Данте Габриэля Россети, а также французские писатели, среди которых адвокат и политик Эйжен Ару (1793–1859), критиковавший мировоззрение великого флорентинца с римско-католических позиций и опубликовавший в трех томах «Ключ антикатолической комедии Данте Алигьери, пастора альбигойской Церкви в городе Флоренция, присоединившегося к Ордену Храма, дающий объяснение символического языка верных любви» (1856–1857 гг.); замечательный писатель-символист Жозефен Пеладан (1858–1918), регент Суверенного военного ордена Иерусалимского Храма (OSMTH), написавший «Доктрину Данте» (1908 год), и уже упоминавшийся выдающийся философ-эзотерик Рене Генон (1886–1961), автор эссе «Эзотеризм Данте», пока одного из всего вышеперечисленного переведенного на русский язык. Кстати, Пеладан склонен видеть в Данте продолжателя традиции францисканского мистического пантеизма, но, в отличие от братьев-миноритов,

более определенно и принципиально отстаивающего свои идеалы, за что и обвиняемого в ереси римской курией.

Оборотная сторона хранящегося в Вене медальона работы Пизанелло с изображением Данте

В целом, как нам представляется, суждение Жозефена Пелладана верное, учитывая то, что Данте Алигьери разделял учение о Трех Заветах цистерцианского аббата, поэта, теолога и мистика Иоахима Флорского (1132–1202), выраженное в его книге «Вечное Евангелие». В ней калабрийский игумен и основатель Флорского монастыря разбил всю историю человечества на три периода: 1) Отца, от Авраама до Иоанна Крестителя, 2) Сына, от воплощения Сына Божия до 1260 года, 3) Святого Духа – с 1260; вывод о 1260 годе он обосновывал словами Откровения Иоанна Богослова о «тысяча двухсот шестидесяти днях» (Отк. 11:3 и 12:6). У каждого периода свой Завет: Ветхий, Новый и Вечный (заметьте, и здесь наша арифметика: 2+1, 21). Но если наступление Третьего Завета Святого Духа для Иоахима Флорского связывалось с расцветом созерцательного монашества, то для Данте Алигьери означало власть рыцарства в светских и духовных делах, которая должна заменить папское и императорское господство. Именно это сближает «белого гфельфа» Данте с францисканцами-спиритуалами, среди которых образовалось концептуальное направление иоахимитов, видевшее в папстве апокалиптическую блудницу и рассматривавшее императорскую власть как опору церковной иерархии и своего ордена, вследствие чего иоахимиты были сторонниками Гогенштауфенов и других монарших родов в борьбе с папами. Стоит ли говорить, что подобных воззрений придерживался и Данте Алигьери, писавший об Иоахиме Флорском:

«...в двенадцатом | Огне сияет вещей Иоахим, | Который был в Калабрии аббатом» («Рай». Песнь XII, строки 139–141). Впрочем, для Данте, мечтавшем о справедливой рыцарской республике, оказалось страшным ударом вероломное упразднение Ордена тамплиеров, пытки, а затем и казни его сановников во главе с великим магистром Яковом де Моле. С этого переломного момента великий флорентинец понимал, что прежнее славное рыцарство не возродить, оно уходит в историю, и оттого еще более трагичными предстают триоли «Божественной комедии», касающиеся тамплиеров.

Вдохновляясь творчеством Данте Алигьери и флорентийских художников Позднего Средневековья и Раннего Ренессанса, сын корбонария и комментатора великого флорентинца, к тому же, названный в его честь, Данте Габриэль Россети вместе с братом Уильямом Майклом Россети (1829–1919) и сестрами Марией (1827–1876) и Кристиной Джорджиной Россети (1830–1894) основали в 1848 году прерафаэлитское братство в литературе и живописи (поначалу к ним примкнул английский художник Холман Хант, а немного позднее были приглашены скульптор и поэт Томас Вулнер, литературный критик, художник и искусствовед Фредерик Джордж Стивенс и живописец Джон Эверетт Милле, позднее отрекшийся от идей прерафаэлитства). Цель братства заключалась в возрождении символического и аллегорического искусства (живописи, прозы и поэзии), которое, как считалось, оказалось профанированным, начиная с эпо-

хи Высокого Возрождения и периода творчества Рафаэля Санти (1483–1520). Члены братства издавали свой журнал «Росток», выходящий под редакцией Уильяма Майкла Россети, хотя он и просуществовал только с января по апрель 1850 года.

Главным образчиком в литературном творчестве для членов братства, безусловно, являлась поэма Данте Алигьери «Божественная комедия». Отказываясь от принципов академизма в живописи, прерафаэлиты считали, что все их передаваемые образы должны быть четко детализированными и написанными с натуры наподобие того, как точно выверены и скроены символы и аллегории, зачастую в человеческом облике, «Божественной комедии». Но, наверное, главная беда прерафаэлитов заключалась в том, что они, увы, потеряли грань, которую столь хорошо чувствовал Данте Алигьери, став изображать друг друга даже на картинах, имеющих для христиан сакральное значение. Отсюда, вероятно, и трагичность судеб некоторых из них. Обличая папство и симонию в римско-католической церкви, Данте никогда не выходил за предначертанный рубеж заповедей и негласных правил, оставаясь глубоко верующим христианином, как мы выяснили, иоакимитом.

Впрочем, подобный выход за грань дозволенного блестяще почувствовал Николай Гумилев в стихотворении «Музы рыдать перестаньте...» из цикла «Беатриче» сборника «Жемчуга» (1918 год), посвященном основоположнику пре-

рафаэлитского братства Данте Габриэлю Россети:

Музы, рыдать перестаньте,
Грусть вашу в песнях излейте,
Спойте мне песню о Данте
Или сыграйте на флейте.

Дальше, докучные фавны,
Музыки нет в вашем кличе!
Знаете ль вы, что недавно
Бросила рай Беатриче,

Странная белая роза
В тихой вечерней прохладе...
Что это? Снова угроза
Или мольба о пощаде?

Жил беспокойный художник.
В мире лукавых обличей —
Грешник, развратник, безбожник,
Но он любил Беатриче.

Тайные думы поэта
В сердце его прихотливом
Стали потоками света,
Стали шумящим приливом.

Музы, в сонете-брильянте
Странную тайну отметьте,

Спойте мне песню о Данте
И Габриеле Россетти.

1906

Совершенно очевидно, что здесь речь идет не о Данте Алигьери, а о прерафаэлитском живописце и поэте Данте Габриэле Россети в образе великого флорентинца и его любовнице Элизабет Элеонор Сиддал (1829–1862), профессиональной натурщице, поэтессе и художнице, в образе дантовской Беатриче Портинари.

Между тем прерафаэлиты возникли на ущербе и даже сломе европейского романтизма, как бы заполнив собой безвременье, после которого вышло на сцену символическое искусство, в том числе во Франции появился импрессионизм. Однако стоит признать, что, обращаясь к творчеству великого флорентинца и живописцев его периода, их образному и аллегорическому ряду, прерафаэлиты создали свою оригинальную эстетику и, если угодно, свою магию цвета и слова, до сих пор чарующую и по многим параметрам непревзойденную. Успех этого, на наш взгляд, состоит в том, что прерафаэлиты в своем методе применяли восходящую к Данте Алигьери многоуровневую символическую структуру и изложенную им в своем трактате «Пир», касающемся четырех значений интерпретации и опиравшемся на концепцию Фомы Аквинского: буквальный, аллегорический, моральный и метафизический смыслы. Но прерафаэлиты, как

нам представляется, в своем видении искажали моральный смысл, что продолжало держать художественную конструкцию, но приводило совершенно к иным, нежели у Данте Алигьери, коннотациям. Отсюда колдовская холодность и мертвенность их живописи. Не о них ли говорит Владимир Сергеевич Соловьев в одном из своих метафизических стихотворений: «В ту красоту, о коварные черти, | Путь себе тайный вы скоро нашли, | Адское семя растленья и смерти | В образ прекрасный вы сеять могли».

Нам же остается лишь подчеркнуть, что само прерафаэлитское сообщество практически родилось и развивалось в семье итальянского эмигранта католика Габриэля Россети, комментатора «Божественной комедии» Данте, и его жены англиканки итальянского происхождения Фрэнсис Мэри Лавинии Полидори (1800–1886), брат которой Джон Полидори (1795–1821) был врачом лорда Джорджа Гордона Байрона и автором знаменитой повести «Вампир» (1819), переведенной на русский язык и изданной Петром Киреевским в 1828 году, правда, под авторством Байрона. Дети Габриэля и Фрэнсис Россети составили основу прерафаэлитов, на протяжении всей своей художественной и писательской деятельности не переставая обращаться к литературному наследию великого флорентинца. Такой силы оказалась творческая энергия итальянского гения, пронизывающая временную толщ столетий, хотя прерафаэлиты, создавая свои чары, использовали ее не всегда корректно, а зачастую и в негативном пла-

не, что очень тонко подметил Николай Гумилев!

Превратности останков Данте Алигьери. Письма Энрике Пацци

Превратности, которые произошли с прахом Данте Алигьери, пожалуй, заслуживают отдельного исследования или даже приключенческого повествования. Высшие иерархи Римско-католической церкви настаивали на приведении в исполнение казни над останками. Спустя восемь лет после смерти великого флорентинца в 1329 году папский легат кардинал Бертрандо дель Поджетто в ультимативной форме потребовал у магистрата Равенны выдачи его останков для процедуры публичного сожжения: сжигали тогда, как известно, либо умерших от чумы, либо, по мнению римской курии, злостных и закосневших в своих заблуждениях схизматиков и еретиков. Причина одна и та же: связь Данте с упраздненным еретическим Орденом Храма и членство в тайном обществе (сегодня мы знаем, что символом «Верных Любви» являлся ангел с пылающим сердцем в правой руке: подобная скульптура украшает флорентийский мост Понта Веккьё). Еще в 1319 году властитель Милана Галеаццо Висконти назвал магистра из Флоренции Данте Алегвино магом, что было равносильно обвинению в колдовстве. Считается, что в 1329 году правителю Равенны да Поленте вместе

с монахами-францисканцами из местного монастыря, обожавшими Данте и хранившими его останки, просто удалось откупиться от назойливого папского легата.

По истечении двух столетий магистрат Флоренции задумал вернуть останки великого поэта в родной город, чему поспособствовал сам Микеланджело, добившийся решения папы Льва X, чтобы прах Данте был торжественно перенесен и предан земле во Флоренции. Но когда делегация городской знати Флоренции прибыла в монастырь Равенны и вскрыла саркофаг, то он оказался пустым. Считается, что францисканцы тайно вывезли прах поэта и захоронили его в монастыре своего ордена в Сиене. Но и дознание посланника Флоренции в Сиене, осуществленное им в 1519 году, ничего не дало: останки отсутствовали. Правивший тогда папа Лев X (1475–1521), флорентинец из блистательной династии Медичи, зная расхожую легенду, популярную в родном городе, согласился с тем, что Данте лично явился из загробного мира, чтобы забрать свои останки. Дело в том, что, неожиданно похоронив Данте Алигьери в сентябре 1321 года, его семейство сильно переживало из-за того, что поэт не успел отослать издателю тридцать три песни (канцоны) своего «Рая». Дети знали, что их отец завершил «Божественную комедию», но не могли найти рукопись третьей части. Ну а дальше случилось то, о чем говорит в своих воспоминаниях Якопо Алигьери, старший сын Данте: «Ровно через восемь месяцев после смерти отца, на исходе ночи он сам явился ко

мне в белоснежных одеждах... Тогда я спросил... где спря-
таны песни, которые мы тщетно ищем уже столько времени?
И он... взял меня за руку, провел в комнату и указал на сте-
ну: “Здесь вы найдете то, что ищете!”».

Данте Габриэль Россети. Beata Beatrix, 1864–1870

Их дальнейшая судьба не менее загадочна и запутана. Считается, что приор францисканского монастыря в Равенне Антонио Сарти в 1677 году собрал кости Данте в небольшой ларец, причем захоронили их только в 1781 году, когда архитектор Камилло Мориджиа построил мавзолей Данте Алигьери. Когда Равенну захватил Наполеон, весьма ревностно относившийся к реликвиям подобного рода, монахи снова вынули ларец, утаив его в замурованной двери молельни во дворике Браччафорте. Ларец с останками был обретен совершенно случайно в 1865 году во время реставрационных работ, приуроченных к шестисотлетию со дня рождения Данте Алигьери, и выставлен на всеобщее обозрение, после чего останки распределили по двум ларцам, вновь погребя их в саркофаге в монастырском мавзолее. Но их опять пришлось вынимать в марте 1944, когда Равенну бомбили союзники по антигитлеровской коалиции: они вернулись на свое место только в декабре 1945 года.

Начало Божественной комедии Данте Алигьери. Средневековая рукопись

И снова мистический разворот. В 1999-м году в Национальной библиотеке Флоренции проходила реконструкция. Рабочие двигали стеллажи и среди редких книг, упавших на пол, нашли конверт с прахом Данте: в маленьком конверте находился пепел и бумага в черной рамке с печатями Равенны, подтверждавшими, что это прах Данте Алигьери. Откуда взялся прах, если тело не сжигали? Рабочие заявляли, что данный стеллаж ими недавно перебирался, и никакого конверта с прахом там не было и в помине! Многие задавались вопросом: «Не сам ли Данте подбросил этот конверт, придя с того света?». Глава Итальянского общества Данте Франческо Маццони даже провел собственное расследование и выяснилось следующее: когда на шестисотлетие со дня рождения поэта ларец с останками выставлялся на всеобщее обозрение, то он стоял на ковре. После церемонии замечательный итальянский скульптор и уроженец Равенны Энрике Пацци (1818–1899), решив, что на него могли попасть частицы праха Данте, сжег ковер, а пепел разложил в шесть конвертов и, запечатав, заверил их у нотариуса, надписавшего: «Это прах поэта Данте Алигьери»! А затем разослал их якобы по шести адресам. До сего дня спустя 134 года обнаружился только один конверт: о судьбе других пяти – ничего неизвестно. Но, разумеется, они никуда не делись, а их второго появле-

ния, может, и придется ждать никак не меньший срок!

Встреча через века: Данте – Гумилев

Посещение Шартрского собора Николаем Гумилевым относится к концу 1906 года, когда он, только что окончив гимназию, поступил в Сорбонну, где слушал лекции по истории французской литературы и искусствоведению, что, однако, не мешало ему много путешествовать: он объездил всю Францию и Италию, прекрасно изучив ближние и дальние окрестности французской столицы, к которым относится и Шартр, находящийся в 88 километрах от Парижа. Там же он стал издавать литературный журнал «Сириус», в котором дебютировала его будущая жена Анна Горенко (Ахматова), но вышло всего три номера этого издания. В апреле 1907 года он вернулся в Россию для прохождения призывной комиссии, а затем, после путешествия по Леванту, опять осел в Париже. Вряд ли Гумилев был в Шартре с Анной Ахматовой во время их свадебного путешествия в Париж и Францию в мае 1910 года. И все же Гумилеву удалось связать Анну Ахматову с Шартрским собором, и дальше мы увидим, каким образом. Однако стихотворение, посвященное Шартрскому собору, вышло из-под пера уже зрелого Николая Гумилева летом 1915 года, еще до того, как он, уже сильно опаленный Германской войной в боях в Царстве Польском и на Волыни и награжденный двумя Георгиевскими крестами, был откомандирован в школу прапорщиков в Петрограде.

де, где, воспользовавшись учебой, стал активно писать поэзию. Но стихотворение «Средневековье» не знало затишья; оно появилось из пороха, канонады и смрада Первой мировой войны, в чем его ценность (опубликовано: «Вершины». 1915, № 29/30, июль. Источник: Н. Гумилев. Колчан. – Пг.: Гиперборей, 1916).

Прошёл патруль, стуча мечами,
Дурной монах прокрался к милой,
Над островерхими домами
Неведомое опочило.

Но мы спокойны, мы поспорим
Со стражами Господня гнева,
И пахнет звёздами и морем
Твой плащ широкий, Женевьева.

Ты помнишь ли, как перед нами
Встал храм, чернеющий во мраке,
Над сумрачными алтарями
Горели огненные знаки.

Торжественный, гранитнокрылый,
Он охранял наш город сонный,
В нем пели молоты и пилы,
В ночи работали масоны.

Слова их скупы и случайны,

Но взоры ясны и упрямы,
Им древние открыты тайны,
Как строить каменные храмы.

Поцеловав порог узорный,
Свершив коленопреклоненье,
Мы попросили так покорно
Тебе и мне благословенья.

Великий Мастер с нивелиром
Стоял средь грохота и гула
И прошептал: «Идите с миром,
Мы побеждаем Вельзевула».

Пока они живут на свете,
Творят закон святого сева,
Мы смело можем быть, как дети,
Любить друг друга, Женевьева.

Энрике Пацци. Фрагмент памятника Данте Алигьери во Флоренции

Вот и произошла встреча сквозь столетия Данте Алигьери в образе Великого Мастера с оставшимся вечно молодым русским гением Николаем Гумилевым. Ну а под Женевьевой лирический герой стихотворения, неотделимый от личности самого Гумилева, безусловно, разумел здесь свою жену – выдающуюся русскую поэтессу Анну Ахматову. И для этой встречи Гумилеву понадобилось только одно – перенестись в воспоминаниях, остановив на огромное мгновение время, в духовно-пространственное измерение некогда увиденного им Шартрского собора, стены которого помнят бедных рыцарей Христа и Храма Соломона и вольных каменщиков, трудившихся под их эгидой; то есть оказаться в том месте, где у Данте Алигьери возник замысел «Божественной комедии», которую он претворил, описывая мистерии Шартра; и когда в его личности экстатическим образом под сенью мистической Розы слились дарования архитектора и эпического повествователя, он стал способным объять своим проникновенным взором основы мироздания и обрести решения любых загадок. Так музыка приходит и уходит туда, откуда уже вряд ли возвратится. И вдохновенье растворяется, вдруг приглушенное вечернею молитвой...

И весьма важный момент, который необходимо отметить: Гумилев показывает точку трансформации Ордена бедных

рыцарей Христа и Храма Соломона в другую организацию, ставшую известной уже под названием франкмасонства или вольных каменщиков, и что главная фигура ее, находящаяся в центре напольного лабиринта собора с розой с шестью лепестками – это Магистр или Великий Мастер Данте Алигьери, глава «Верных Любви», сподвижник мученика Якова де Моле, которого в 2020 году канонизировала Польская старокатолическая церковь.

Два великих поэта, итальянский и русский. Магистр Данте Алигьери и кавалерийский офицер Николай Гумилев. Одному восприявшему под сенью собора свою миссию был дан поэтов век, а другой его не обрел, унеся свой неосуществившийся до конца дар в дантов Эмпирей. Но каким бы для него оказался сей поэтов век – 21? Увы, ответов у нас нет. Тогда, в 1921 году, чуть более двух недель спустя после расстрела Николая Гумилева в Европе и по всему миру отмечалось 600-летие со дня смерти Данте Алигьери.

Прощание с родиной Петра Скарги О прохуdivшейся иезуитской сутане

Опыт апологии одного из протагонистов возвышения России в XVII-м столетии и «отчима» украинской политической нации в геополитическом контексте истории Юго-Западной Руси

Введение в гибридные технологии о деятельности иезуитов в Речи Посполитой XVII-го столетия.

* * *

«Легких знаний не бывает!»

*Аполлон Кузьмин (1928–2004),
советский и российский историк*

«— Я — католик и отдал бы половину жизни за то, чтобы и вы были католиками; но отдам всю свою жизнь за ваши права и свободу, если б вас стали теснить и принуждать быть католиками!»

*Ян Замойский (1542–1605),
великий коронный гетман Речи Посполитой*

Переход бывшей Украины в современную Украину произошёл не столь давно, как полагают украинские официальные историки, хотя он занял по существу несколько столетий, но сначала у окраинной и оспариваемой Речью Посполитой и Московской Русью территории появился попечитель, сыгравший роль «отца» или «отчима», если угодно, для ее населения. Естественно, такой отец на сломе XVI–XVII столетий мог принадлежать только к духовному сословию, учитывая религиозность людей и народов, живших в ту пору.

Предопределение или предопределенность личностей, племен, наций, территорий и стран, отстаиваемые на догматическом уровне Реформатской церковью, загоняющей паству в прокрустово ложе кармы, не в состоянии объяснить, как сложности судеб многих стран, так и отдельных человеческих личностей, к примеру, бывшего гугенота Генриха IV или того же святого Игнатия Лойолы, с честью прошедшего череду невероятных испытаний и в буквальном смысле выстрадавшего свой орден, представитель которого Хорхе Бергольо ныне занимает Святой Престол под именем папы Франциска I. Именно иезуитам удалось успешно сочетать, с одной стороны, умеренное августинианское начало (предопределенность, детерминированность всего, в том числе людей, вещей) с умеренным пелагианским (опора только на собственные силы) и применить это в своей плодотворной деятельности (моральную сторону этого мы не затрагиваем). В начале XIX-го столетия выдающийся французский эзоте-

рик и историософ Антуан Фабр д'Оливе, потомок гугенотских деятелей Юга Франции, обобщил данную доктрину, подав ее в качестве концепции Синархии: взаимодействия и сочетания Судьбы, Воли и Божественного Провидения на уровне универсального социально-исторического процесса. Собственно, заслуга Фабра д'Оливе заключается и в следующем: он огласил то, чем пользовались отцы из Общества Иисуса уже на протяжении нескольких столетий. Этот орден всегда отличался проектным подходом к проблеме, а сама его проектная деятельность рассчитывалась его основателем Игнатием Лойолой на столетия. Но в каждом проекте могут таиться не просто ошибки, но и роковые заблуждения, способные изменить в худшую сторону судьбы самих народов и государств. И вот тут-то мы и подошли к Украине, постсоветскому государству, одолеваемому внутренними распрями, а для внешнеполитических акторов являющемуся объектом для реализации своих стратегий.

Две страны на одной территории: Черноклобуцкая Украина и Советско-униатская Украина

По данным современного выдающегося украинского и русского ученого Петра Толочко Украина или Украина это земля к югу от Белой Церкви и до Черкасс, где еще в домонгольское время обосновались «свои поганые», огузские кочевники, поступавшие на службу к Киевским князьям, в том числе торки, берендеи, торпей, ковуи и пр. Во время разрушительного Монголо-татарского нашествия в их ряды вли-

лись и другие пришедшие из глубин Дешт-и-Кипчака кочевники. В конце XIV-го столетия их ряды пополнили и воины Ногайской орды, пришедшие в конце XIV-го века в пределы тогда Великого Княжества Литовского на Киевщину и Полтавщину вместе с сыном темника Мамай Мансуром Киятовичем. Все это население, оставлявшее свои места из-за принятия ханом Узбеком в 1321 году ислама как государственной религии и последовавшей после этого Великой замятни в Улусе Джучи, войдя в союз со славянским племенем северян, и составило ядро Днепровского или Запорожского казачества, о чем нами говорилось в очерке о казаке Мамае. Вообще в зарождении казачества интересно следующее: все эти торки, берендеи, торпеи, ковуи были родственниками турок-сельджуков, а позднее османов. Но тюркский парадокс по разным берегам Черного моря заключается в том, что туркам-османам, пришедшим с востока на территорию Малой Азии в количестве немногим более 500 семей, удалось ассимилировать многочисленное малоазиатское население, сделав большинство его турками, тогда как их братья, огузы причерноморских степей, сами ассимилировались, приняв греческое православие и подпав под мощное влияние соседних славяно-русских племен. И вот здесь мы касаемся поразительного вопроса о разных до противоположности воздействиях религии в различных климатических поясах: ислам помог туркам-османам создать великое государство на руинах Восточно-Римской империи, а в Поволжье и южнорус-

ских степях он вызвал внутригосударственную смуту, от которой уже не оправилась Золотая Орда. И если в одном месте этот прототюркский элемент может послужить ферментом для сплочения в единую государственную нацию, как в случае с турками-османами, то в другом месте стать бродящим элементом для мятежей, смут и восстаний, как в случае с запорожскими и донскими казаками. Однако и в одних, и в других жил изначальный государственнический инстинкт, когда первые его проявили в построении великой Оттоманской порты, а у вторых его использовало русское царское правительство, сделав казаков «пионерами» огосударствления окружающего нерусского пространства. Удивительно, но именно этого инстинкта теперь недостает на Украине, поскольку там был практически исчерпан казачий элемент уже русскими царями. Иными словами, название Украины осталось, но она уже не черноклобуцкая, не Мамаева и не казачья. Но тогда чья же?

Ответ на поставленный выше вопрос будет столь же очевиден, сколь и прост: советско-униатская. Это отнюдь не оксюморон, а сущность современной украинской государственности, что подтверждает и книга второго президента Украины Леонида Кучмы «Украина – не Россия». И опять парадокс: советская власть на Украине беспощадно преследовала Украинскую греко-католическую церковь, но в образовании, культуре, литературе и искусстве внедряла именно униатские стандарты, разработанные в Галиции в ее быт-

ность еще в составе Австро-Венгерской империи. Плохо ли, хорошо ли это – не нам судить, мы только проявляем определенные тенденции, присущие нынешней украинской проблематике. А для их преодоления, сегодня болезненно и зачастую бессознательно переживаемого народом Украины, необходим объективный и отстраненный взгляд на вещи, не подверженный главному хуторскому стереотипу: «свой – чужой», «українець – чужинець».

**От униатской
протогосударственности к польскому
«отчиму» украинской нации**

Даниил Романович Галицкий

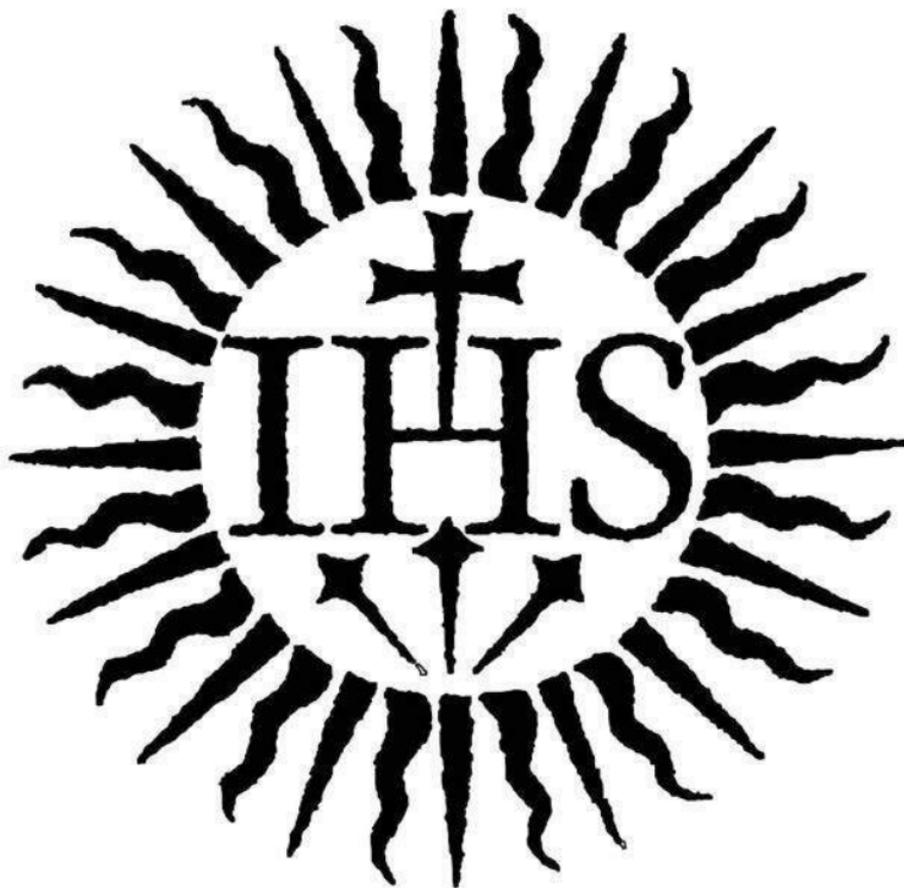
Князь Даниил Романович Галицкий. Скульптура работы художника Эммануила Мысько, Львов, 1997 год

Профессор МГПУ имени В. И. Ленина Герман Артамонов справедливо считает нынешнюю Украину в некотором смысле наследницей Галицко-Волынского княжества времен Даниила Галицкого (1201–1264), поскольку при Данииле Романовиче впервые предпринималась попытка по смене русской идентичности, когда князь под напором неблагоприятных внешнеполитических обстоятельств и в условиях Татаро-монгольского ига, довлеющего над Русью, принял корону от папы Иннокентия IV и короновался в 1253 году в русские короли в Дорогичине, что означало и формальную унию русской церкви с латинской. Хотя сам Даниил Романович, как принято говорить сегодня, проводил многовекторную политику, да и в такое короткое время его симфонии с Римской курией еще не было никаких последствий церковной унии: в 1255 году новый римский папа Александр IV разрешил литовскому князю Миндовгу воевать Русскую землю, после чего Даниил прекратил отношения с папой, сохранив королевский титул для себя и право на этот титул для своих преемников, которые именовали себя «Rex Russiae» и «duces totius terrae Russiae, Galicie et Ladimirie», то есть «король Руси» или «князь всей земли русской, галицкой и владимирской». Но несмотря на выдающуюся личность и заслуги князя Даниила Романовича, чье скульптурное изображение украша-

ет памятник «Тысячелетие России» в Великом Новгороде, первый шаг на пути к унии, как считается, состоялся уже при нем, послужив прообразом для проблем культурно-религиозного и этнополитического характера, которые не могут найти разрешения и в наши дни. В конце XIV-го столетия Галицко-Волынское княжество прекращает свое славное и драматическое почти 200-летнее существование, воскреснув лишь на короткий период в 1431 году при Любарте Федоровиче, кому удалось возродить княжество во Владимире Волынском, и с 1434 года при Свидригайло Ольгердовиче, после смерти которого в 1452 году Волынь оказалась под властью Великого Княжества Литовского, тогда как еще ранее упраздненное Галицкое княжество стало частью Польской короны, образовав в ней так называемое Русское воеводство. С этого времени и начинается долгий, но неуклонный процесс полонизации и окатоличивания русского боярства, знати и городских верхов, завершившийся по сути только в конце XVIII-го столетия, хотя в народных низах самоназвание «руський», «русин» сохраняется еще до конца XIX-го века. Но между окончательным падением Галицко-Волынского княжества после Свидригайло Ольгердовича в середине XV-го столетия и разделом Речи Посполитой, в результате которого Галиция оказалась в составе с 1772 года сначала Священной Римской, а затем Австро-венгерской империи, когда титул «королей Галиции и Лодомерии» укрепился за правившей в них династией Габсбургов, появился

на свет человек, кого по праву должно считать отцом будущей украинской политической нации, пускай об этом он и не подозревал. К нему мы и обратимся вскоре.

**«А что, если бы...», или прогулка
по Измайловскому парку после
обильной дегустации накануне**

Герб Общества Иисуса с тремя гвоздями

Ясным августовским днем 2009 года я со своим родственником Никитой Замчинским (фамилия и имя несколько изменены по понятным причинам), тогда действующим полковником одной из российских силовых структур и ветераном-интернационалистом, оказавшимся в Москве проездом из Ессентуков во Владивосток, неспешно прогуливались по Измайловскому парку. Накануне мы, как заведено у славян, неплохо посидели в застолье, приняв на грудь не один литр красного сухого вина Саперави, привезенного Никитой с Кавказа. Минут сорок мы брели по парку в полусонном расслабленном состоянии, пока вдруг посередине одной из длинных аллей к нам не стала возвращаться бодрость, ощущаемая в ароматном дуновении, подступившем к организму, чтобы бесповоротно добить в нем остатки прежнего захмеления. Наверное, подобные мгновения стоит ловить, ведь они близки... озарению. Последнее – шутка. Хотя тот, кто испытывал подобное состояние, знает: когда тебя покидает хмельная лихость, заканчивающаяся обычно сонливостью, и к тебе возвращается острота восприятия, тогда мысленно ты оказываешься ненадолго в некоем пространстве, способствующем возникновению новых оригинальных суждений и наблюдений так, что в тебе резко начинается процесс мысле-отделения. В общем, становится понятным, почему античные философы обожали симпозионы и размеренные пиршества. Очевидно, оказавшись в том же простран-

стве, что и я, Никиту потянуло на откровения. К слову, прапрадед Никиты был офицером и польским шляхтичем, принявшим участие в Польском восстании 1863 года и сосланным в результате этого в Тобольскую губернию. Итак, Замчинский, используя свой богатый опыт по проведению активных мероприятий, начал наш диалог следующими словами:

– Брат, а что для тебя означает политика? – и, не дожидаясь моего ответа, продолжил. – Я полагаю, суть политики заключается в том, что одно государство ждет, когда сделает ошибку другое государство, враждующее с первым или пребывающее в соперничестве с ним. То есть здесь налицо пример китайского мудреца, спокойно ожидающего на берегу, пока по течению реки не проплывет труп его врага.

– Согласен. Но к чему ты об этом? – отпарировал я, пока не представляя, куда нас может завести диалог.

– Да я к тому, что если бы Речь Посполитая не допустила роковых ошибок в отношении России, начиная с конца XVI – начала XVII столетий, то, возможно, по-польски говорили сегодня и на острове Сахалине!

– Ты имеешь в виду титулованного русского царя Владислава Жигимонтовича Вазу? – спросил я Никиту.

– Увы, ошибки были сделаны уже до него, как минимум, начиная с Люблинской унии 1569 года, церковным завершением которой стала Брестская уния 1596 года (обрати внимание: цифры одни и те же!), впоследствии породившая

столько проблем и для православных и, как ни странно, для римских католиков. Пойми, знаменитая присказка «генералы готовятся к прошедшей войне» звучит абсурдно только для недалеких людей, поскольку опытом новой войны (и какой она будет) они не располагают. И второе присловье «история не имеет сослагательного наклонения», несомненно, справедливо, но... мы сами должны исследовать это сослагательное наклонение, чтобы не совершить ошибок в грядущем. И коль история есть политика, опрокинутая в прошлое, то нам, опираясь на нее, и необходимо изучать разнообразные возможности, а что, если бы было так, а не так и пр. пр. – Никита перевел дыхание и предложил продолжить диалог в кафе, рядом с которым мы оказались.

Погода действительно резко поменялась, и в воздухе чувствовалась приближающаяся гроза. Раскаты грома и ливень мы встретили уже за одним из столиков просторного зала, где, сделав заказ, продолжили свое общение, рассуждая о судьбах государств, народов и самом потрясающем явлении в истории – его величестве случае, способном в одночасье все перевернуть верх дном, спутав все карты на игровом геополитическом столе. Наш диалог затянулся до позднего вечера, выявляя определенные контрапункты – то есть потенциальные вероятности, благодаря которым политические события могут пойти в ту или иную сторону, сложившись в комбинации, влекущие за собой уже необратимые последствия.

– Вот взгляни, что случилось с не чужой для меня Речью Посполитой, – завершая, обратился ко мне воодушевленный интересной беседой Никита Замчинский, – злосчастная Брестская уния погрузила страну в череду казачьих восстаний, и все завершилось полтора столетия спустя мучительными разделами Польши, оказавшейся в тисках между трех империй – Прусской, Австро-венгерской и Российской. С другой стороны, ведь и в унии была логика, поскольку в Речи Посполитой не на шутку испугались Реформации в ее крайней форме – кальвинистской и социнианской, когда семейства многих магнатов и богатых польских шляхтичей становились антитринитариями-социанианами. Справедливая необходимость сопротивления протестантской экспансии и толкнуло польско-литовское государство на унию, за организацией которой уже стояло великое Общество Иисуса, являвшееся по отношению к Речи Посполитой по сути внешней стороной, хотя в его членах и состояли природные поляки. И если проводить дальше логическую линию, то Москва своим возвышением после разрушительного Смутного времени обязана именно этому ордену, а создание в результате его деятельности украинской политической нации оказалось периферийным ответвлением, а отнюдь не магистральным направлением деятельности глобального Общества Иисуса. Вот почему орден был спасен от уничтожения в католическом мире Всероссийской императрицей Екатериной II. Ясно, что великая царица спасала его не из-за гуманитарных

и альтруистических убеждений, а в знак благодарности за... Не будь организованной иезуитами Брестской унии, Владислав Ваза спокойно стал бы русским монархом – и тогда польско-лехитская речь вполне могла бы зазвучать на берегах Тихого океана.

X. PIOTR SKARGA T.J.
WIELKI SŁUGA BOŻY
WIERNY SYN OJCZYZNY
PROROCZY KAZNODZIEJA
PISARZ I WYCHOWAWCA NARODU
W DOMU TYM UCZYNIŁ SIEDZIBĘ
WIEKOPOMNYCH DZIEŁ
MIŁOŚCI BLIŹNIEGO
ZAŁOŻONYCH PRZEZ SIEBIE
W LATACH 1584 i 1587
TO JEST
ARCYBRACTWA MIŁOSIERDZIA
I BANKU POBOŻNEGO
NIOŚĄCYCH TRWALE POMOC
POCIECZĘ I ULGĘ
DLA UBOGICH KRAKOWA

TEJ TABLICE JAKO DOWÓD WDZIECZNEJ PAMIĘCI
POŁOŻYŁ ZARZĄD MIEJSKI R.P.1938.

Мемориальная доска в честь Петра Скарги, установленная в Кракове городским управлением в 1936 году

Чем дальше полковник Замчинский описывал неосуществившиеся возможности Речи Посполитой, тем мне становилось приятнее от того, что я сам по матери принадлежал роду, происходившему от римско-католического пробста из Клаузена в Тироле и давшему нескольких своих ярких представителей Обществу Иисуса – каноников, теологов и даже профессоров ордена. С другой стороны, с большей ясностью складывалась картина бурного и противоречивого XVII-го столетия, собственно, и заложившего основания великой Российской империи.

Выдающийся, но замалчиваемый польский гений

Все-таки советская религиоведческая, пусть и атеистическая, литература несмотря на определенную идеологическую зацикленность была в высшей степени добросовестной и научной, поскольку заставляла обращать внимание на главных действующих лиц религиозно-политического события, коим и являлась в нашем случае Брестская уния 1596 года. Речь у нас пойдет о выдающемся польском иезуите Петре Скарге, собственно, и организовавшем Брестскую или Берестейскую унию, но мысль которого, совершенная по своей потенции и силе, смогла, на наш взгляд, организовать дальнейшую историю Восточной Европы таким образом, как мы ее знаем сегодня, в том числе и возвышение Московской Руси, а затем Российской империи, что мы вынесли из диалога с полковником Замчинским.

Нам всем известно расхожее выражение, приписываемое многим людям, вплоть до И. В. Сталина, что победы, равно как и поражения, имеют свои имена и фамилии, хотя это перифразированная римская мудрость. Общество Иисуса, пожалуй, первая организация западного христианства, которая вышла за пределы традиционной схоластики, став заниматься теорией познания или гносеологией и на практике применять полученные результаты. «Повторение – мать учения» –

это одно из самых любимых присловий Игнатия Лойолы; и мы повторимся: Орден иезуитов является первой европейской религиозно-политической организацией, в которой, начиная с XVI-го столетия, преподавались для его приверженцев основы диалектического проектного мышления, рассчитанного на десятилетия и столетия вперед.

И здесь многое, конечно, зависит от дарования и силы мысли человека, воспринявшего теорию и практику данной игнатианской доктрины. Если он обладает достаточной силой мысли, то, располагая божественной свободой выбора, сможет стать архитектором определенных исторических процессов, проецируя их на будущее, должны образом воздействуя на Судьбу и Волю человеческих сообществ и обретая помощь Божественного Провидения. Таковым и оказался Петр Скарга. Он отнюдь не являлся разрушителем, как его пытаются представить польские и западнорусские писатели и хронисты, – просто он понимал, что процессы развиваются диалектически: тезис – антитезис = синтез. Впрочем, ему же была известна идея Третьего Рима, некогда разработанная кардиналом Виссарионом Никейским (1403–1472) и привезенная на Московскую Русь Софией Палеолог, ставшей женой великого князя Московского Иоанна III Васильевича. И вот здесь мы вплотную подошли к естеству человеческой мысли.

Пожалуй, большинству людей невдомек, что идеи, наподобие с каждым человеком, располагают своими родителя-

ми. Речь здесь идет не об их авторстве, а о безличностном (матричном) и личностном (формообразующим) началах идей. Согласно Исааку Ньютону, впрочем, как и Платону, матричным началом идей служит эфир (пятый элемент!), а вот формообразующем – отпечаток в нем той или иной мысли, оставленной во времени и пространстве ее источником (если мы говорим о Всевышнем или бесплотных духовных силах) или посредником (если мы говорим о человеке). Сила отпечатка данной мыслеформы способна проецироваться во времени и пространстве. Некогда это прекрасно уразумели отцы-иезуиты, предприняв свою концептуальную деятельность в отношении восточного православного христианства и народов, его исповедовавших. При таком сложном интеллектуальном подходе, которым пользуются члены Общества Иисуса, все делить на черное и белое, не замечая ни полутонов, ни причин, ни их последствий – это все равно, что применять арифметику к высшей математике. А ведь именно так, к сожалению, поступают многие православные апологеты, порой забывая, что и западные, и восточные христиане веруют в одного Троичного Бога и Спасителя Иисуса Христа, Сына Божия и Искупителя рода человеческого. К слову, одним из самых выдающихся специалистов в области православной литургики был американский иезуит священник Роберт Тафт (1932–2018), профессор Папского восточного института, оставивший многотомное исследование «История литургии св. Иоанна Златоуста» и происхо-

дивший из богатой и знаменитой американской семьи, к которой принадлежал и 27-й президент США Уильям Говард Тафт (1857–1930); иерей Роберт Тафт свободно владел русским языком и неоднократно посещал нашу страну, выступая с лекциями в духовных образовательных учреждениях РПЦ и на богословских факультетах и кафедрах российских ВУЗов.

Папский нунций подносит князю Даниилу Романовичу королевскую корону

А теперь лаконично покажем, как подобный подход рабо-

тает на практике. То есть когда на одном месте, например, в Галиции начинает интенсивно осуществляться локальный проект по смене идентичности, то он вызывает усиление той же самой идентичности в другом месте, а последнее проецируется уже на глобальный уровень. Парадокс: Галиция некогда оказалась принесенной в жертву ради усиления Москвы, а затем России в противовес Речи Посполитой и в основном протестантским странам Западной Европы. Отсюда ясно, что и политика, проводимая ныне на Украине в отношении УПЦ, возможно, временно ослабляет ее на локальном уровне (хотя гонения только сплачивают христианские общины), но усиливает ее и консолидирует вместе с Московским патриархатом на глобальном уровне. Вывод один: Святой Престол и Римская курия, в условиях гендерной политики в Западной Европе и непрерывающегося миграционного наплыва, заинтересована в том, чтобы Русская церковь сохраняла свою глобальную роль, как на Украине, так и на всем постсоветском пространстве. Такова негласная и для многих неузнаваемая христианская православно-католическая солидарность, умело проводимая гибридными методами в рамках религиозно-политических противостояний и войн нового облика. Ведь сегодня на кону судьба всего католического христианства и христианской цивилизации.

Российский публицист и историк спецслужб левой направленности Александр Колпакиди назвал униатский проект, у основания которого стоял иезуит Петр Скарга, специ-

альной операцией длиной в 400 лет. Что ж, название точное, но о причинах и целях этого векового мероприятия мы уже вам рассказали. Еще раз подчеркнем, что в духовном отношении Речь Посполитая находилась на рубеже XVI–XVII столетий под внешним управлением Римской курии и несмотря на то, что автор униатского проекта Петр Скарга и являлся чистокровным поляком из Мазовии, но принадлежал он именно к наиболее глобальной структуре католического мира – Обществу Иисуса. Отсюда не стоит переоценивать влияние, собственно, польско-литовского государства на введение унии на землях Западной Руси. То есть официальное римско-католическое государство Речи Посполитой оказалось объектом или инструментом внешнего актора, реализующего свою политику через блестяще организованную римско-католическую общину Польши и Литвы. Безусловно, магнаты и аристократы, составлявшие управленческую верхушку Речи Посполитой, вполне себе догадывались о происходящем, что и объясняет их сопротивление и даже молчаливый саботаж униатскому делу, за которое усердно взялись братья-иезуиты. Кстати, уния на Украине развивалась практически параллельно с Контрреформацией как на территории самой Речи Посполитой, так и в Чехии и Моравии: население последних двух территорий Священной Римской империи германской нации уже на девяносто процентов было протестантским и только насаждение иезуитского ордена, а также поражение чешских протестантов в Белогорской бит-

ве 1621 года смогли сохранить эти земли за римско-католической церковью. Повсеместный успех иезуитов, в том числе в осуществлении унии на Западной Руси, основывался на том, что Общество Иисуса представляло собой проповеднический орден нового типа, то есть боевую фалангу, главными принципами коей представлялись: дисциплина и организация корпоративного сообщения, в том числе влияния. Подобный тоталитарный тип организации, позднее присущий и СССР, и нацистской Германии, позволял достигать успеха за сравнительно невеликие сроки и временные периоды. Кроме того, иезуитский орден и в ту пору, и уже позднее был наиболее экстерриториальным из всех монашеских орденов Римско-католической церкви, что ему облегчало как существование, так и взаимоотношения со светскими и церковными властями польско-литовского государства. Скажем больше: в XVII-м столетии он действовал в Речи Посполитой в качестве субъекта. А теперь обратимся к биографии одного из главных представителей Общества Иисуса на тот момент в Речи Посполитой.

R.P. Petrus Starga
Soc. IESU, 31i, Col-
legii Vlnensis, An-
Neo institute Aca-
demie et Univer-
sitaris Rector AD.
1680. Vir generis
claritæ, viæ sancti-
monia, Aplico zelo
doctrinæ præstantia,
editisq; variis doctri-
næ zeli et Sanctita-
tis suæ monumentis

Clarissimè obiit Craco-
viæ 1612. 27 Sept.

Придворный проповедник Петр Скарга

Петр Скарга родился 2 февраля 1536 года к северу от Груец, в небольшом фольварке Повенщизна (также известное как Скарговщизна или Скаргово). Его семью часто описывают как малоземельную шляхту, но скорее большинство его предков являлись сначала крестьянами, а затем горожанами, которые не так давно стали мелкой знатью. Он вырос в семейном имении и потерял родителей, когда был молод; его мать умерла, когда ему было восемь лет, а его отец, Михал Скарга, четыре года спустя. После этого его поддержали братья, один из которых, Станислав Скарга, был римско-католическим священником. Петр начал свое образование в церковно-приходской школе в Груец, а затем переехал в Краков, где в 1552 году поступил в Краковскую академию, предшественницу Ягеллонского университета, где окончил курс обучения в 1555 году. Затем в течение двух лет служил ректором коллегиальной школы Святого Иоанна в Варшаве. С октября 1557 года стал наставником Яна Тенчинского, сына магната Анджея Тенчинского, и посетил Вену со своим учеником, где, вероятно, и познакомился с Обществом Иисуса. Напомним, что в ту пору Польша оказалась одной из главных арен борьбы между набиравшим силу протестантизмом в его крайних проявлениях, в том числе социнианстве, и Контрреформацией Римско-католической церкви. С 1562 года он диакон в Рогатине, а к 1564 году уже римско-католический

священник. С 1566 по 1567 гг. служит капелланом при дворе каштеляна Яна Кшиштофа Тарновского (секретаря короля Сигизмунда II Августа); после смерти Тарновского Петр Скарга остается во Львове в статусе проповедника Львовского римско-католического кафедрального собора. В 1568 он совершает паломничество в Рим, где в 1569 году и присоединяется к Обществу Иисуса. С 1571 года он служит иезуитским проповедником в Пултуске, Львове, Ярославле, Варшава (где произнес проповедь перед Сеймом) и Плоцке: здесь он посещает двор королевы Анны Ягеллонки, ставшей одной из его покровительниц. В 1571 году в Вильно свирепствовало страшное моровое поветрие. Все, кто могли, бежали из города; уехал и епископ, разъехались и все почти ксендзы; по воспоминаниям польского писателя Кшиштофа Варшевицкого, тогда в городе остались Петр Скарга с несколькими иезуитами, которые по-прежнему совершали богослужения, говорили проповеди, посещали и утешали больных, помогали бедным, ухаживали за умирающими, напутствовали их своей молитвой, исповедовали и приобщали таинств. Некоторые из братии обходили окрестные села и деревни и всюду, где можно, приносили помощь и утешение. Несколько иезуитов заразилось от больных и умерло; но ревность остальных не уменьшилась. Эти истинно христианские подвиги, конечно, возбуждали в местном населении горячую признательность и расположение к иезуитам. Старались они блеснуть, где надо было, и своим христианским смирением.

Рассказывают, например, такой любопытный случай. Один ярый кальвинист из придворных виленского воеводы Николая Радзивилла встретил Скаргу на улице, накинулся на него с ругательствами, прижал его своим конем к стене и даже ударил по голове саблей. Иезуит вовсе и не оборонялся, а только смиренно поклонился и пошел своей дорогой. Несколько лиц, видевших это происшествие, тотчас же разнесли молву о нем по всему городу. Епископ хотел предать виновного суду, но Скарга упросил оставить это дело. На другой день воевода прислал к нему обидчика просить прощения; Скарга принял оскорбителя приветливо, кротко побеседовал с ним и совершенно простил его. Такое смирение Скарги, конечно, произвело на всех глубокое впечатление, и тогда же несколько десятков иноверцев и между ними один протестантский пастор обратились снова в римско-католическую веру.

Портрет кардинала Виссариона Никейского, воспитателя великой московской княгини Софии (Анны) Палеолог, сторонника унии католической и православной церкви

В Вильно Скарга задержался на более чем десять лет. с 1574 по 1579 гг. он возглавлял Виленскую иезуитскую коллегию, а с 1579 по 1584 гг. был первым ректором Виленской академии и университета (сегодня это Вильнюсский университет). Одновременно в 1577 году он становится и профессором Краковской академии. В том же году закончил одно из своих самых значительных произведений – «Жития святых» («Żywoty świętych»), которое было опубликовано двумя годами позже. Годом ранее Петр Скарга опубликовал сочинение «Pro Sacratissima Eucharistia contra haeresim Zwinglianam, ad Andream Volanum» («За Священную Евхаристию против цвинглианской ереси, Анджею Волану»). В 1582 году опубликовал продолжение: «Artes duodecim Sacramentariorum, sive Zwinglio-calvinistarum» («Семь столпов, на которых стоит католическая доктрина о Святейшем Таинстве алтаря»). Оба произведения написаны в жанре диалога в классическом стиле, напоминающем античные диалоги. К слову, Анджей Волан являлся значительной фигурой в политической жизни Речи Посполитой того периода и, будучи диссидентом (иноверцем), занимал пост королевского секретаря и прославился на дипломатическом поприще и избирался депутатом сейма. Кстати, в том же 1577 году Скар-

га издал на польском языке сочинение «О единстве церкви Божией...», обращенное к другому видному диссиденту – князю Константину Константиновичу Острожскому, наиболее влиятельному и могущественному из православных русских магнатов. В своем сочинении Скарга старался доказать, что единая церковь Христова, вне которой нельзя спастись, есть церковь Римско-католическая. Во второй части иезуит подробно рассматривал ряд мнимых отступлений греческой церкви от римской и, наконец, в третьей части указывал меры к соединению русских с Римско-католической церковью. Рассуждая о нестроениях Греко-православной церкви, Петр Скарга считает главными причинами их: 1) брачную жизнь русского белого духовенства, что будто бы побуждает священников заботиться только о семье и мирском благополучии ее, а не думать о церкви; 2) славянский язык в богослужении, который греки будто бы нарочно оставили славянам при обращении их в христианство, чтобы держать их в невежестве и в руках своих, потому что, только владея греческим или латинским языком, можно освоиться с науками и богословием; 3) вмешательство мирян в духовные дела и унижение духовенства. Церковная уния (соединение с римской церковью), по мнению Скарги, уничтожит все зло; для этого православным следует только принять доктрину Римско-католической церкви и соединиться с Папой Римским, пускай и с сохранением прежних обрядов.

VILNIAUS UNIVERSITETAS UNIVERSITAS VILNENSIS

1579
2004

LIETUVA 1Lt

R. Čiuplys

2004

Стефан Баторий, Петр Скарга и Вильнюсский университет на марке 2004 года

В 1584 году, завершив свой апостолат в Вильно, Скарга был переведен в новую иезуитскую коллегию в Кракове, а в 1588 году новоизбранный король Сигизмунд III Ваза учредил должность придворного проповедника, и Скарга стал первым из священнослужителей, ее занявшим. Петр Скарга быстро вошел в доверие к королю, и Сигизмунд настолько полюбил его, что, когда иезуит попросил об отставке, Сигизмунд отклонил это, потребовав, чтобы он оставался при дворе как можно дольше. Яростно борясь с протестантизмом во всех его проявлениях, Скарга не забывал и о православных в Речи Посполитой. Именно он составил проект церковной унии, утвержденной в Свято-Никольском соборе города Бреста 9 (19 октября) 1596 года рядом православных архиереев во главе митрополитом Киевским, Галицким и всея Руси Михаилом Рагозой. Это отправная точка, ознаменовавшая собой как начало дерусификации земель и населения Западной Руси, так начала Гражданской войны, выразившейся в казацких восстаниях за православную веру, вследствие чего Речь Посполитая уже не оправилась после нанесенного ей унией ущерба, а геополитическое первенство в Восточной Европе прочно заняла Московская Русь, едва пришедшая в себя после разорительного Смутного времени. Не отсюда ли Петр Скарга и получил прозвище среди поль-

ско-литовской шляхты как «главный смутьян Королевства, что по-латински: «*grasescipuus turbator Regnii*». Однако Петр Скарга ни о чем не сожалел, до конца своих дней оставаясь убежденным приверженцем унии между римскими католиками и греко-православными, той унии, которая, собственно, и погубила бурно развивавшееся польско-литовское государство. И ведь согласимся, что человек такого ума, как Петр Скарга, не мог не понимать всех последствий этого. Однако его проект уже работал помимо его. В 1611 году он произнес свою последнюю проповедь перед Сеймом Речи Посполитой и опубликовал свой последний труд в качестве своего вероисповедного и идеологического завещания: «*Wzywianie do jednej zbawiennej wiary*» («Призыв к единой искупительной вере»). Пост придворного проповедника короля Сигизмунда III Вазы он занимал до апреля 1612 года, оставив его за четыре месяца до своей смерти. Петр Скарга умер 27 сентября 1612 года и был похоронен в церкви Святых Петра и Павла в Кракове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.